ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Год издания 65-й. Буэнос Айрес, 6 июля 2013 **"NUESTRO PAIS"** Buenos Aires, sábado 6 de julio de 2013 No. 2967

"Прогнило что-то в Датском королевстве..."

О волнениях в "Украинской Православной Церкви"

«Прогнило что-то в Датском королевстве», — как сказал бы друг Гамлета... Вернее не в Датском королевстве, а в Московской Патриархии на Украине. Вот уже некоторое время изо дня в день — новая сенсация.

Совершенно неожиданно пронеслась бурная печатная кампания, открыто требующая отправки на покой казалось бы до сих пор всевластного несменяемого советского митрополита Одесского и Измаильского Агафангела (Саввина). У людей будто раскрылись глаза и отныне видят своего «архипастыря» во всей неприглядной наготе: никакой не русский патриот, борющийся за величие вечной России, а самый пошлый аферист, исключительно заинтересованный в собственном обогащении и всюду ставящий свои пешки для укрепления своей власти с конечной целью перехватить власть над всей так называемой Украинской Церковью.

Итак — что неожиданно для себя вдруг открыли эти люди? Политиканство и всем уже давно известную чрезмерную алчность митрополита, что является общей чертой всей патриархийной архиерейской касты. Его непомерную тягу к богатству и выкачивание до последней копейки из карманов посетителей украинских патриархийных храмов. Всюду, куда не посмотришь — кружка с надписью «рука дающего не оскудеет», или настойчивое предложение пожертвовать на кирпичек-два для постройки храма, который никто и не помышляет строить. Его полную отрезанность от паствы и её интересов. В результате чего часть народа просит, требует, отправить м. Агафангела на покой в связи с 75-летием, которое ему исполнится в сентябре месяце.

Нелестный портрет правящего митрополита изображает на днях преданное гласности открытое письмо братии Свято-Успенского Патриаршего Одесского мужского монастыря. О своём митрополите братия монастыря пишет без обиняков: «Агафангел ненавидит монахов. Монах для него – это вор и быдло, средство для достижения цели! Не монахи ему нужны, и не монастырь, а деньги и монастырская казна, к которой он рвался все эти годы! И он ее достиг».

Не лучшим администратором выглядит митрополит в глазах монастырской братии. Дело в том, что возвёл он в архимандричий сан и назначил в прошлом году наместником монастыря некоего Кукшу, не пользующегося лестной репутацией ещё с времён семинарии. Несмотря на молодой возраст, этого Кукшу уже не раз гоняли из монастыря в монастырь на исправление и так попал он в Одессу, в Свято-Успенский монастырь, где после весьма краткого срока своего наместничества в полной мере проявил, как сказано в открытом письме, своё хамское обращение с братией монастыря и прихожанами. Как же такого человека, который «не жил монашеской жизнью, вследствие чего не знает ни устава, ни монастырского уклада жизни, ни его традиций» можно назначать во главу крупного, со славным историческим прошлым, монастыря? Ответ дан в письме и никого не удивит: «Архимандрит Кукша, придя в монастырь на исправление, подарками и лестью втерся в доверие к сестре митрополита (инокини Антонии), которая и представила его митрополиту». Всё становится ясным: на ключевое место м. Агафангел поставил "понимающего человека", на которого он сможет всегда положиться для выкачивания монастырских денег.

Один одесский священник, по имени Василий, решил в свою очередь выступить в связи с этим письмом в защиту, как он думал, митрополита:

«Таких людей — пишет он об окружении Агафангела — язык не поворачивается назвать верующими. Это — разрушители Церкви. Они не останавливаются ни перед чем. У них нет ничего святого. Заповеди Божии, церковные правила и духовные нравственные принципы — это пустой звук для них». Нам-то скорее кажется, что такая защита больше похожа на медвежью услугу, чем на помощь...

Но прежде чем оставить тему об одесском Свято-Успенском монастыре укажем, что одним из самых первых его настоятелей-наместников, одним из самых первых предшественников этого неприглядного Кукши, в первой четверти XIX-го века, был учёный с мировым признанием, византолог, востоковед и выдающийся археолог архимандрит Порфирий (Успенский), который также вошёл в церковную историю, как первый начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Вот, где видна пропасть, отделяющая Русскую Церковь от советской...

Очередной пример осквернения святого места Московской Патриархией.

Однако оставим Одессу с её советским митрополитом и перейдём теперь в Киев, матерь русских городов. Там разразился скандал даже покруче, оскверняющий наши вековые святыни.

В середине июня стало известно о таинственном исчезновении настоятельницы Покровского монастыря игуменьи Калисфении. Обстановка этого криминального дела достойна лучших полицейских романов-детективов. В пятницу 14 июня поздним вечером, в 23 часов 30 минут, в келье игуменьи раздался телефонный звонок. У трубки моложавый архиепископ Александр (Драбинко), секретарь болеющего главы УПЦ митрополита Владимира (Сабодана).

Игуменья вызывается в Киево-Печерскую Лавру для «объяснения».

Глубокой ночью в сопровождении помощницы она отправляется туда на машине, предоставленной Александром Драбинко. В течение трёх суток, до 17 июня, обе монахини полностью исчезают, на мобильный телефон не отвечают, а из Лавры никаких сведений получить близким не удаётся, в результате чего насельницы предупреждают полицию о странном и тревожном исчезновении их игуменьи. Наконец 17 июня усталые, помятые, голодные и молчаливые как рыбы, обе без вести пропавшие монахини возвращаются в обитель и наглухо запираются в своих кельях...

Так — в чём же было дело? Как можно предположить, - дело гнусное, мерзкое, жульническое. Калисфения была "вызвана на ковёр" по поводу исчезновения немаловажной, вернее головокружительной суммы в размере 15 миллионов долларов (!), которую, как думал Александр Драбинко, "благочестивая игуменья" запрятала у себя в монастыре... Откуда могла появиться такая сумма? Очередная махинация по испробованному методу, в котором Кирилл Гундяев показал себя большим специалистом, за что получил прочное прозвище "табачного митрополита": в перестроечные годы через подвластные ему церковные структуры, под общим видом гуманитарной помощи, беспошлинно поступали с Запада и контрабандно продавались табак, сигареты, спирт - якобы в пользу и помощь Церкви...

Тут махинация относилась не к табаку или спирту, а к дорогостоящим иномаркам, которые, как известно, каждый архиерей МП или кандидат в архиереи страстно любит. Через церковный канал была договорена возможность получать элитные автомобили с 30-процентной скидкой. Но довольствоваться одной машиной жалко, когда можно купить оптом и перепродавать на свой счёт. Тут и была ловушка: внесены были огромные суммы, но товар-то не последовал, как ожидалось. На этом бизнесе скромный архиепископ Драбинко, судя по поданному заявлению в полицию, потерял три миллиона долларов, с чем не мог хладнокровно смириться. Поэтому решил немного потрясти игуменью, будто связанную с исчезнувшей вместе с деньгами мошенницей...

Монахинь держали три дня в каком-то подвале без еды, ни пития, но поднятая в СМИ шумиха вокруг этого дела напугала самозванных "поборников справедливости", которые решили заткнуть монахинь в машину, отвезти их загород и бросить на проселочной дорожке, откуда им пришлось пешком добираться обратно до Киева... По имеющимся не проверенным сведениям, возбуждено уголовное дело и поверенный Александра Драбинко обвиняется даже не в похищении, а в покушении на убийство монахинь. Сам Драбинко долгие часы назодился под допросом.

Чем кончится эта история — пока не известно. Обеим сторонам, видно, хотелось бы побыстрее закрыть это неблаговонное дело и сама потерпевшая жертва, игуменья Калисфения, решила дольше не молчать и дала свою малоубедительную версию: она просто хотела пойти помолиться, ночью затерялась в пещерах Киево-Печерской Лавры и три дня блуждала!...

Но помимо уголовной стороны происшествия есть и политико-церковная подоплёка. Известно, что помимо личных амбиций, УПЦ разделена между двумя полюсами сторонников сближения с Москвой и сторонников окончательного разрыва с Московской Патриархией. Не исключено, что печатная кампания против одесского митрополита Агафангела велась и подогревалась сторонниками независимости и самостоятельности Украинской Церкви, убеждённым последователем чего является Александр Драбинко.

Помнится, что, когда предстоятель УПЦ митрополит Владимир Сабодан находился в коме и пролежал несколько недель в недееспособном состоянии, то в феврале 2012 г. митрополит Агафангел устроил своего рода церковный путч, определил себя главой Церкви, присвоил себе официальную синодальную печать и синод под его руководством лишил Александра Драбинко всех прежних постов и должностей «за недостойное поведение, интриганство и жизнь» и заодно обвинил его в «хуле на Святого Духа»... С возвращением к относительной деятельности Владимира Сабодана, его верный и любимый секретарь вернул себе все прежние преимущества и должности. В частности, сторонники самостоятельной поместной Украинской Церкви, через голову Кирилла Гундяева, обратились к Константинопольскому патриарху и пригласили его возглавить в конце июля торжества 1025-летия Крещения Руси (или "Крещения Украйны", как без смеху говорят некоторые автокефалисты), что является настоящим вызовом главе МП.

А чтобы иметь ещё более полное представление о разных элементах этой головоломки надо знать, что Кирилл Гундяев любит подчёркивать, что киевский Покровский женский монастырь является своего рода форпостом единства с Московской Церковью, поэтому некоторые наблюдатели не удивлены, что именно игуменья этого монастыря стала главным лицом в скандале против Драбинко...

Всё это конечно предположения и надо ожидать результаты следствия этой очень некрасивой истории. Одно только можно сказать: ничего тут ни духовного, ни церковного нет и всё это пахнет очень неприятным запахом.

А тем временем, однако, ещё один приход со священником в самой Одессе перешёл в день Святой Троицы к "совсем другому" митрополиту Агафангелу, Первоиерарху Русской Православной Зарубежной Церкви.

Будем надеяться, что и не один ещё священник последует этому примеру.

Протодиакон Герман Иванов-Тринадцатый

ЗАПЛАТИЛИ ЛИ ВЫ ЗА ПОДПИСКУ НА "НАШУ СТРАНУ" ЗА 2013 ГОД?

«ПОДАРКИ» ИЗ РФ

В прошлом номере “Летописи Американской Руси” вышел очерк Л. С. Оболенской-Флам о Комитете “Книги в Россию”. Но книги идут не только в Российскую Федерацию, а исходят оттуда, разница только в том, что отправляем мы туда наши бесценные эмигрантские издания, а получаем обратно… впрочем, судите сами.

Не так давно гимназия при Храме Всех Святых, в Земле Российской Просиявших, в Бурлингейме, Калифорния, стала объектом благотворительности со стороны правительства Российской Федерации. Теперь и мы получили что-то взамен отдаваемых нами книг: целую библиотеку для молодежи. Книжки новые, красивые, в глянцевых обложках: как хорошо они выглядят на полке!

Но каково содержание? Что же нам предлагают почитать? На чём воспитывать наших детей? Оказывается, детям, потомкам Белых Воинов или участников РОА, предлагается брать в пример... красных партизан и “доблестных чекистов”. Вот перед нами — нет, не Гоголь или Пушкин — а Дмитрий Нагишкин, с романом *Сердце Бонивура*. Читаем аннотацию про главного героя на задней обложке: “Виталий Бонивур, возглавивший группу подпольщиков в борьбе против японских оккупантов и остатков армии Колчака”. В той же серии “Сибириада” наши дети могут познакомиться с главным героем романа Георгия Маркова Матвеем Строговым, командиром красного партизанского отряда. При Сталине этот роман получил Государственную премию СССР.

Такова же тематика романа Константина Седых *Даурия*. По аннотации главный герой, молодой казак Роман Улыбин в революцию становится на сторону тех, кто воюет “за равенство и социальную справедливость”. Знаем мы красное равенство и социальную справедливость: миллионы невинных людей, погибших насильственой смертью от рук красных палачей.

Получается, что потомкам тех, кого расстреливали Матвеи Строговы и Романы Улыбины теперь можно о них почитать в церковной библиотеке. Допримирились!

Но этого мало. Целая вереница романов дает нам прекрасные образцы для подражания из жизни “доблестных чекистов”, начиная с романов Северского и Болгарина об «Адъютанте Его Превосходительства» (советском шпионе Павле Кольцове) и заканчивая сочинениями Юлиана Семенова о Максиме Штирлице.

Об авторе романа *По тонкому льду* Георгии Брянцеве достаточно знать, что награжден он знаком заслуженного чекиста. Самое место для романа заслуженного чекиста — в церковно-приходской библиотеке храма РПЦЗ. Но Брянцев не один: Василий Ардаматский, А. Азаров и Д. Медведев, Юрий Корольков и многие другие певцы “славных” чекистов готовы были занять места рядом с Брянцевым на полках библиотеки. Да что там говорить, когда среди подаренных книг значится *Тимур и его команда* самого отца-основателя коммунистической пропаганды для молодежи Аркадия Гайдара. Вот это действительно неожиданный подарок для церковно-приходской библиотеки!

Низкий поклон правительству Российской Федерации, которое с таким чутьем подбирает литературу для просвещения и воспитания маленьких потомков недобитых белобандитов.

Выше была отмечена красота подаренных изданий. Да, биография маршала Г. К. Жукова с серпом и молотом на корешке смотрится хорошо на полке церковно-приходской библиотеки. *Во славу отечества, история советских наград* Олега Смыслова тоже оформлена этим символом. Их дополняет серия книг издательства “Вече” под названием “Сделано в СССР”, с тем же серпом и молотом на корешке. Не знаю, почему мы получили только три книги этой серии, а, например, *Конармия* Исаака Бабеля нам подарена другого издательства. Впрочем, "Конармия" вошла еще и в подаренную хрестоматию под названием *Гражданская война в лирике и прозе* (почему-то только второй том), где из почти 500 страниц текста всего шесть отведены под стихи Ивана Савина и Николая Туроверова, а все остальные под советских писателей: Бабель, Вересаев, Пильняк. Казалось бы, *Окаянные дни* Бунина подошли бы по теме, да очевидно не по духу.

Среди книг даже самые, казалось бы, безобидные таят в себе искаженное мировоззрение, никак не подходящее для наших детей и молодежи (тем более церковной).

Открываем книгу *100 великих россиян* и находим… Ленина, Троцкого, Махно, Хрущева и Тухачевского. Среди *100 великих загадок русской истории* насквозь лживый рассказ о генерале А. А. Власове. А *100 великих сокровищ России* конечно же включают и мавзолей Ленина и сталинские премии и Орден Ленина и Орден Трудового Красного знамени и прочее советское барахло.

Справедливости ради скажем, что настоятель церкви, прот. Стефан Павленко, категорически воспрепятствовал принятию старательно и красиво переизданных “шедевров советской литературы”. И немудрено, ведь книги настолько аккуратно переизданы, что даже имя Бога в них печатается со строчной буквы!

Поистине плевок в лицо Церкви, ее прихожан и учащихся церковной гимназии.

Книги изъяты и до читателей нашей библиотеки не дойдут. Есть мнение среди родителей и преподавателей гимназии, что не наши эмигрантские издания, а именно такого рода литературу и нужно “возвращать” в Российскую Федерацию, откуда эта скверна и произошла.

Теперь становится понятным призыв “вернуть” эмигрантские издания в Российскую Федерацию: цель — отнять у нас наше прошлое, наши символы, и подменить их серпом и молотом и Богом с маленькой буквы. Мы отдаем Врангеля и получаем взамен Жукова, отдаем наших Белых Вождей и предков и получаем взамен красных партизан и “доблестных чекистов”, отвергаем Бога и принимаем “бога”. А наше же прошлое — аккуратно под замочек в Москву.

Ни мы, ни наши дети его уже не увидят и не узнают: мы его продали за чечевичную похлебку. У нас теперь новое прошлое, созданное нам заслуженными чекистами.

А. В. Шмелев
Русское Историческое Общество в Северной Америке

УТИЛИЗАЦИОНИСТЫ

В Думе РФ обсуждается законопроект запрещающий свободное изучение и анализ советско-германской войны. Новый закон предусматривает тюремное наказание для лиц отрицающих, что деятельность советской армии была «по поддержанию международного мира и безопасности», а также для тех кто распространяет «заведомо ложные» сведения, обвиняя советских военных в совершении преступлений. Под эти категории подпадут буквально все историки и мемуаристы свидетельствовавшие о войне 1941-1945 гг. с независимых позиций. В частности - все кто писал и пишет правду о Русском Копусе, РОА, РОНА, казачьих формирований генералов Краснова, Павлова, Паннвица и т. д.

Как злорадствует 23-го июня с. г. на своём блоге *новоиспеченный поклонник СМЕРШа Армен Гаспарян, “первым, кто может пострадать от нового закона в России это Сергей Веревкин с его книгами и выступлениями”.*

Как известно, Гаспарян сделал “органам” форменный донос на С. И. Веревкина, автора ряда ценнейших исследований о Бригаде Каминского (см. “НС” 2936).

Законопроект, как следовало ожидать, пользуется поддержкой “патриарха” Кирилла Гундяева, назвавшего победу гонителя веры Сталина “чудом Божественного милосердия” и с советских позиций выступавшего против “фальсификации истории Великой Отечественной Войны”.

Сей высокопоставленный сексот КГБ заявил, что нацизм был человеконенавистническим режимом, а сталинизм нет, и осудил авторов, считающих вполне правомерным выбор людей пошедших во власовскую армию. По его словам, эти авторы “размывают границы между добром и злом”.

Слава Богу, благородные россияне хорошо понимают на какой стороне была правда в те годы. Так, например, замечательная писательница Елена Петровна Чудинова, в реплике горе-историку Владимиру Хандорину, имела мужество сказать: “Мои родственники, особенно по линии отца, прекрасно могли оказаться в рядах антисоветских формирований во время Второй Мировой Войны”.

Авторша нашумевших книг “Мечеть Парижской Богоматери”, "Ларец", "Лилея", "Лепта","Декабрь без Рождества" поведала это на свой программе “Час писателя” по московскому Радио Радонеж в среду 24 апреля 2013 года. Честь ей и хвала!

Русских патриотов стремившихся использовать, ***утилизировать*** *немцев для освобождения России от коммунизма, пытаются принизить называя их ложным термином “коллаборационисты”. На самом же деле, как говорит Николай Леонидович Казанцев, они были “утилизационистами”.*

Татьяна Концевич

НЕУНЫВАЮЩИЙ ТАЛАНТ

Семнадцатого июня исполнилось 110 лет со дня рождения замечательно умного и талантливого человека – Михаила Аркадьевича Светлова.

Мне посчастливилось знать его довольно близко, поскольку он был приятелем моего отца, а я в отрочестве дружил с его сыном Александром (Сандриком).

В свое время Светлов был широко известен, как поэт. Его стихи, такие как «Гренада» и «Итальянец», в советские времена были хрестоматийными. Светлова высоко ценил Маяковский, а Марина Цветаева в декабре 1926 года писала Борису Пастернаку: «Передай Светлову, что его «Гренада» - мой любимый – чуть не сказала мой лучший – стих за все эти годы. У Есенина ни одного такого не было. Этого, впрочем, не говори, - пусть Есенину мирно спится.»

Кроме всего прочего Михаил Аркадьевич был необычайно остроумным человеком. Его остроты передавались из уст в уста. Я, например, вспоминаю середину шестидесятых годов. Я вместе со своими родителями был в ресторане «Арагви». Туда пришел Светлов и сел за наш стол. А это было время, когда Евгений Евтушенко был в зените своей славы. И вот, я помню, Михаил Аркадьевич говорит:

- Я придумал хороший псевдоним для поэта – Евгений Альный.

А еще мне вспоминается спектакль театра «Современник». Они поставили пьесу Евгения Шварца «Голый король», а Светлов им написал тексты песен. Вот на сцене стоит актер, изобра-жающий свинопаса, и поет:

Как тяжело любить принцесс,
Какой мучительный процесс.

А вот еще четверостишие Светлова:

Вынь же, Маша, полотенце
И чаи засамоварь.
И достань мне с полки энци-
Клопедический словарь.

Последние годы своей жизни Светлов тяжело болел. И надо отдать ему должное, даже в этой трагической ситуации он чувство юмора не потерял.

Вот он сидит в поликлинике Литфонда, ждёт приема у врача. Его заметил какой-то приятель и спросил:

-Как поживаете, Михаил Аркадьевич?

- Ну, как вам ответить на этот вопрос? – отзывается Светлов, - Что можно сказать о человеке, у которого половина выделяемой мочи уходит на анализы?

Светлов лежал в больнице, в одноместной палате. Утром к нему вошла медицинская сестра, чтобы сделать внутримышечную инъекцию. Подойдя к кровати со шприцем руке, она сказала:

-Михаил Аркадьевич, вот вы писатель, культурный человек... Как правильно говорить: ‘ягодица или ягод’ица? Где тут ударение?

Светлов с ответом не замедлил:

-Посмотрите в энциклопедии на букву «Ж».

А еще я хочу привести цитату из воспоминаний моего отца – Виктора Ардова:

«Будучи совсем больным, Михаил Аркадьевич при встрече с директором Центрального Дома Литераторов Борисом Михайловичем Филипповым спросил:

- Боря, это правда, что у вас в Доме похороны писателей бывают двух разрядов? Говорят, что писателя познаменитей кладут в большом зале, приобретают больше цветов и вообще отпускают больше средств, чем на скромных писателей, которых кладут в малый зал.

- В общем это так, - ответил Филиппов.

- Но мне-то положены похороны первого разряда?

-Конечно. -Тогда я дам тебе расписку, что согласен на второй разряд. А разницу выдай мне наличными, и мы ее пропьем, - закончил Светлов».

До того, как у него обнаружили рак легкого, врачи подозревали, что Светлов болен туберкулезом. И вот тогда он позвонил одному нашему общему знакомому и сказал:

-Ты знаешь, я начал писать поэму о туберкулезе. Уже есть первая строчка: «Нет, далеко не уйдешь, опираясь на палочку Коха...»

Протоиерей Михаил Ардов

ПОД ЗНАКОМ ПУШКИНА

О новой публикации русского парижанина А. Корлякова «Русская культура в изгнании, Европа 1917 – 1947»

Четырнадцатого августа 1950 года в Москве произошло событие, которое на фоне интенсивного строительства высотных зданий и общей перестройки столицы в духе примата грандиозного над привычным, простым, не стало да и не могло стать предметом полемики, но по существу оказалось важным знаком времени. С Тверского бульвара памятник Пушкину был перенесён на противоположную сторону площади.

Расстояние между старым и новым местом было относительно небольшим, однако изменилось направление, в которое был как бы обращен бронзовый классик. Через день после этого Георгий Шенгели, поэт исключительно тонкий и наблюдательный, назвав случившееся «похоронами времени», в стихотворении «Вот взяли, Пушкин, вас и переставили...» писал:

На прежнем месте в сторону Урала вы
Глядели – в те безвыходные дали,
Где пасынки одной зари коралловой
«Во глубине сибирских руд» молчали.
Вам не пришлось поехать к ним: подалее
Отправил вас блистательный убийца.
Теперь – глядеть вам в сторону Италии...

Между тем, перестановка памятника, работы Опекушина – речь идёт именно о нём, том самом, при открытии которого 6 июня 1880 года выступил со своей знаменитой речью Достоевский, по существу не нарушила исторической правды, во всяком случае, послевоенного сталинского времени. Не ведая о том сами, создатели новой Москвы, развернув Александра Сергеевича в сторону запада, невольно связали его крепче с той Россией, которая осталась за границами, за долами и морями.

Да, если после торжеств 1937-го года, посвящённых 100-летию гибели великого русского поэта, как в советской России, так и в эмиграции, Пушкин остался для россиян одной из важнейших фигур, символизирующих культуру и вечную волю к свободе, то всё же на родине он отошёл как бы в прошлую историю, изучаемую под соответствующим светом в школах и вузах, а в рассеянии остался фигурой незаменимой для тех, кто хотел и сохранял в сердце свет страны, в которой родился, язык которой стремился передать своим детям.

Под светом Пушкина поверялась в эмиграции такая незримая и непрерывающаяся связь... В то время, когда в советской России – для власть имущих, для аппарата диктатуры (не для интеллигенции) он как бы превратился в металл в самом прямом смысле, в эмиграции стал хлебом, водой, воздухом для сердец и душ...

На тему эту существует множество свидетельств – статей, книг и вот перед нами ещё одно – в виде фотографий, собранных Андреем Корляковым в новом фолианте из серии его альбомов посвящённых русской эмиграции. Я имею ввиду только что вышедшую под маркой парижского издательства ИМКА-Пресс его работу «Русская культура в изгнании, Европа 1917 – 1947». Тут, вероятно, следует напомнить, что самый первый том этой серии - «Русская эмиграция в фотографиях» вышел в 1999 году и на сегодняшний день стал редкостью; следующие тома последовали с интервалами в несколько лет: «Они сохранили достоинство и честь» (2001), «На пути к успеху» (2005), «Великий русский исход, Европа 1917-1939», часть первая (2009)... Наряду с ними, в соавторстве с Жераром Гороховым, он подготовил и выпустил уникальный по богатству собранных фотоматериалов альбом «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках, 1916 – 1918» (2003).

Но – вернёмся к Пушкину. К теме Пушкина. Нет, разумеется, в своей новой работе А. Корляков далеко не ограничился ею, но, по его собственным словам, она как бы прошла красной нитью через всю книгу, ибо без этого было бы невозможно представить нашу культуру – в данном томе, в Европе, в томе будущем – в других уголках земли. Не случайно, полагаю, на обложке он поместил прекрасный снимок Шаляпина в роли пушкинского Бориса Годунова на сцене парижского театра Шатле в 1932 году... Не случайно выделил в своей работе страницы, посвящённые Пушкинским торжествам в 1937 году во Франции, Югославии, в ту пору ещё независимой Латвии...

Рассказал о мало кому известной в наше время театрализованной дуэли Сергея Лифаря и профессора Модеста Гофмана с теми самыми подлинными пистолетами, которые в январе 1837 года были в руках у Пушкина и Дантеса – снимок этой сценки и «стволы Лепажа» в специальном ящике (они хранятся во Франции) – документ исключительной выразительности...

Я пишу об отдельных страницах, а на каждой из них – масса интересного: обложки газет, книг, буклетов вечеров, посвящённых юбилею... Взгляд задерживается на портрете Пушкина с музой. Работа кисти Константина Коровина, которую сопровождает текст: «В мастерской Коровина, где царит трогательный беспорядок и горят по стенам, на стульях яркие краски коровинских пейзажей, стоит большое панно: Пушкин и муза, в бледных тонах, овеянное романтикой. Это панно предназначено для пражской выставки русских художников. Коровин, руки в карманах, смотрит на своё произведение. – Да, романтика, - говорит он. Хорошая это вещь! *Где я на пир воображенья Бывало, музу призывал...* Вот там-то я и изобразил Пушкина. Барская усадьба с пилястрами и деревянные избы на фоне: Россия. Коровин хитро сверкнул глазами. – Разве это живопись? – Литература, иллюстрация. Вот живопись – он показал на цыганские таборы и парижские улицы по стенам. - Но ничего всё-таки, не правда ли? Ох, хорошо перенестись хотя бы на минутку в пушкинское время! Я написал Пушкина таким, каким знала его бабка моя, Екатерина Ивановна Волкова. Четырнадцатилетней девчонкой в тридцатые годы она видала его в Московском Дворянском Собрании. Как денди лондонский был одет. В пелеринке подъезжал с палкой в руках. Малого роста был он, говорила бабка, светлый шатен, заметьте, светлый, с серыми быстрыми глазами, курчавый. Всё смотрел за женой, с кем танцует. Как только входил он, все шептались: Пушкин...»

Мастерская Коровина, о которой тут идёт речь, была в Париже, в доме 122 на бульваре Мюрата, а запись сделана в 1930 году и опубликована в журнале «Иллюстрированная Россия». Ни одной строки текстов такого рода А.Корляков в советских изданиях не брал – вся справочная информация черпалась им только в публикациях эмигрантских: в газете «Последние новости» (Париж), в журналах «Жар-птица» (Берлин), «Иллюстрированная Россия» (Париж), «Возрождение» (Париж)...

Из подобной, не всегда, конечно, с детальными описаниями, состоит мозаика книги А.Корлякова. Но каждый снимок с указанием, кто на нём, где, когда...

Как и в предыдущих публикациях А. Корлякова, в томе, о котором идёт речь, сотни редчайших, в большинстве случаев неизвестных, изображений писателей и поэтов, художников и музыкантов, мастеров мира кино и балета, актёров... Некоторые запечатлены, смотрящими в объектив фотоаппарата профессионала и представляют интерес именно как портреты (серьезные или шутливые), некоторые сделаны любительски – в них самое интересное, как правило, - неожиданность момента, естественность поз, ситуаций... Лица, фигуры – на сценах и за кулисами, на улицах, кафе, в творческих мастерских... Составленный в разделах по «жанрам» альбом дает отличное визуальное представление о мастерстве фотографов в диапазоне от Петра Шумова до Георгия Гойнингена-Гюне, в области театра – от пражской труппы МХТ до парижской Жоржа (Георгия) и Людмилы Питоевых, в кино – от Ивана Мозжухина до Гусейнова (Робера Оссейна), в искусстве – от Ильи Репина до Ростислава Добужинского, в музыке – от различных церковных хоров до Фёдора Шаляпина и Николая Гедды, в танце – от Сергея Дягилева до Сергея Лифаря, в литературе – от Ивана Бунина до Льва (Леона) Тарасова (Анри Труайя), о хранилищах культуры – от первого Кадетского музея в Сербии до Казачьего музея под Парижем...

Перелистываю неспеша книгу, в которой более 700 страниц – сколько, не боюсь выразить свой восторженный интерес, удивительно-замечательных лиц, фигур! Глаз задерживается то в одном, то в другом месте...

Вот театральный деятель Николай Евреинов в 1925 году, вот директор театра Летучая Мышь Никита Балиев – в 1928-м, вот актёры Русского театра в эстонском городе Нарва, а вот актёры русского театра в Берлине, среди которых оставивший военную службу молодой Борис Билинский, бежавший из России в Константинополь, Екатерина Рощина-Инсарова – одна из звёзд сцены, чьё 25-летие творческой деятельности русский Париж отмечал в 1937-м году... Поэты и писатели: упомянутый уже Иван Бунин, Владислав Ходасевич, «русский Рембо» - Борис Поплавский, Анатолий Штейгер, Александр Гингер, Анна Присманова...

Перечень можно продолжать, он, в самом деле, огромный, но главное, наверное, даже не в именах, очень или не очень известных, а том, как визуально живо страницы эти доносят до нас дыхание эпохи, когда, вопреки советской тогдашней пропаганде об умирающем, хиреющих русском искусстве, культуре за рубежом, искусство и культура не только не умирали, не истощались, но цвели, помогали изгнанникам сохранять национальные ценности, оказавшиеся под идеологическим прессом или под полным запретом на родине.

Именно об этом свидетельствует новая работа А. Корлякова, которую он посвятил своим родителям, Татьяне Капитоновой и Альфреду Корлякову, и которая смогла увидеть свет благодаря финансированию на личные средства российского историка искусств Алексея Расторгуева. Кстати, и предыдущий альбом русского парижанина финансировал он. Я пишу «финансировал», имея ввиду публикации, - в том, что касается самих фотографий, буклетов, афиш, многих других редчайших на сегодняшний день материалов – они разыскивались и разыскиваются без всякой посторонней поддержки самим А. Корляковым. Главный его «спонсор» тут – только собственный энтузиазм, собственная энергия, любовь к той России, которую советская власть хотела похоронить и забыть. С «эмигрантским» Пушкиным заодно...

Русская культура в изгнании – тема огромная, несчерпаемая. Немало снимков, которые тематически относятся именно к ней, публиковались в других томах – это понятно, люди искусства часто жили не только своим творчеством, но зарабатывали на жизнь, работая таксистами, на заводах, на фабриках, на фермах и т.п. В этом смысле, провести чёткую грань между альбомами А. Корлякова и даже внутри альбомов (по обозначенным темам) невозможно – они связаны, каждый дополняет друг друга, в целом создавая единое полотно жизни русской эмиграции.

Ну, а что впереди у А. Корлякова? Впереди – второй том «Великого русского исхода», «Русские дети в изгнании, Европа 1917 – 1939», «Русская культура в изгнании. 1917 – 1947» - вне Европы... Работа огромная, важнейшая!

Хотя об этом уже и писалось, и говорилось – хотел бы подчеркнуть: обладая удивительным, исключительным собранием фотографий (многие из которых он реставрировал) и материалов, связанных с Россией в изгнании, собиратель-историк не ограничивается публикациями альбомов, но также нередко устраивает собственные выставки или предоставляет что-то по той или иной теме для отдельных экспозиций и конференций; он никогда не отказывает публикаторам в праве воспользоваться имеющимися у него работами, но, увы, иногда с печалью отмечает, что перепечатка была сделана без его ведома.

Надеяться, что какие-то такие, мягко выражаясь, не слишком «элегантные», акции не коснутся нового альбома, к сожалению, трудно. Так что, мне хочется пожелать ему только одного – идти дальше, не оглядываясь на недобросовестных публикаторов. Тем же, кто может быть захочет поддержать его в сборе документов, связанных с российским прошлым в рассеянии, связаться с ним. Его архив – это не сундук скупого рыцаря, а в какой-то мере надёжное место – нет, не хранения – сохранения нашего прошлого. И ещё. Без излишнего пафоса - думается, долг каждого, уважающего прошлое российской эмиграции, иметь и беречь в личных библиотеках подобные издания. Для историков же это источник совершенно исключительный.

Париж **ВИТАЛИЙ АМУРСКИЙ**

ЛУЧШЕЕ ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРУ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Возвращаясь в историю, мы часто пытаемся выбрать для себя альтернативное прошлое. Не то, которое случилось, а другое – которое могло бы состояться, но не состоялось, и бесцельно, но с каким-то детских любопытством складываем хотя бы один ярус домика другой истории – той, которой не было. Основание несостоятельного будущего.

Но прошлое всегда одно, и из него приходится исходить.

У России не было истории без революции, разорения, преступления законов Божеских и человеческих, бесконечного огрубления и злобы, без истребления, Гражданской войны, и – и без изгнания.

Спасительность эмиграции неоценима. Сколько сохранено ею человеческих жизней, которые продолжались – с бесконечными трудностями, с непостоянством места обитания и рода занятий, с недостаточностью ежедневной жизни и беспредельной тоской по погибшему миру, которая никого никогда не отпустит. Но продолжались.

Как можно представить себе Бенуа и Бунина, Дягилева и Шаляпина, Ильина и Репина, Мельгунова и Рахманинова – не уехавшими?

В бесконечном извращении любого дела и слова, в котором пребывала оставленная ими страна, непредставима никакая, даже самая бледная версия их возможной советской жизни – им можно в ней только не быть, ценой физического уничтожения, или безумия, или абсолютного ментального паралича – или ценой ухода.

И как бы ни был труден этот уход для каждого, как бы ни была тягостна или даже страшна дальнейшая история, в которой оставленная страна даже могла иных, как это было с Карсавиным, догнать и уничтожить, расползаясь по карте Европы – этот уход был жизнью. И жизнью деятельной и осмысленной. Каждая жизнь тут особенна, как особенен и драгоценен каждый спасённый, не знаю, с погибшей планеты – но непоправимый разрыв целостности русской культуры создал её другой, чем она была на родине, часто более глубокой и более ответственной – а иногда более случайной и по неизбежности неполной – но она состоялась. Она была.

Катон, кажется, ввёл первым это слово – культура – в оборот, и корень, от которого «cultum» происходит, относился первоначально к земледелию – собственно, это глагол обработки земли и её почитания одновременно, радости от неё – и украшения её, и благодарности за эту радость…

То есть культура – в начале начал это сама возделанная земля – и без своей земли культура не-возможна, как говорит память этого слова, а изгнание – это потеря земли… Поэтому срезанные цветы недолговечны.

И стремительное убывание в двадцатые, тридцатые годы – сначала русского театра и живописи, затем политики и публицистики, потом слова и стиха, потом – много позже – философии и богословия, как самых долгих и неподатливых времени форм культуры – потом постепенно и самой памяти о тех, кто приехал, писал, думал, издавал газеты журналы, собирал музеи полков прежней армии, строил церкви и устраивал детские летние лагеря – да что там – просто говорил на языке, на котором уже не говорят, если есть они, их дети и внуки.

Так везде и всегда, в Париже, Аргентине или Парагвае, в Австралии или в Харбине – или естественным, или насильственным путем эта культура замирала, глохла и уходила в прошлое. Без земли? Да, если земля – это не пустая протяженность места, а дома, люди, деревни, церкви, города, люди – и непрерывность языка, на котором они говорят, и непрерывность всех прочих следствий непрерывности языка – от богослужения до кинематографа.

На чужой земле так не будет. И культура изгнания возобновлялась только извне – следующими волнами эмиграции, военной в 1940-е и диссидентской в последних десятилетиях века, следующими невозможными для советской России жизнями, которым на земле своей опять не достало комнаты больше камеры и земли поболе могилы.

Но это уже другая, может быть, вечная история присутствия России во всемирной жизни чем-то, кроме нефти и газа. Её можно представить себе как историю бесконечного убывания – как бы вытекает живая кровь из страны, остается худшая или свернувшаяся… но ведь можно и ровно наоборот: если нельзя было спасти страну и землю, то можно – слово, мысль и образ.

Эта книга – надеюсь, лучшее введение в культуру русской эмиграции из всех, до сих пор изданных. И если она может очертить столь многое из сделанного в изгнании – то только благодаря фотографии. Так возвращается к нам внешний облик бесконечно знакомых по имени, но часто неизвестных в лицо людей – так, как старые фотографии давно умерших родных… Всех, кого нет, но без которых мы – не мы: так всматриваешься в их черты, ища сходства – ища основания себе, чтобы не быть тебе неизвестно кем и неизвестно откуда. Без этих оснований нам не жить сейчас, да и, слава Богу, уже невозможно и представить себе такого «без»: герои этой книги – всё, что ими создано, – уже составляет незримое основание нашего способа видеть, думать, и говорить в 2013 году, – не то что в каком-нибудь хотя бы 1958, когда никого из них в России почти и не знали.

Здесь спасены и собраны их фотографии – но теперь уже не их, давно ушедших, надо спасать, а нашу жестокую и одичавшую землю, которую если уж и можно преобразить, то без тех, кого мы видим на этих фотографиях, такое преображение непредставимо.

Другого прошлого не было. Такого, в котором у нас одна страна и одна непрерывность, где не разорены ни церкви, ни полки, ни гимназии, где в крови – полноценная генетическая память и где сама земля питает драгоценную ткань неразорённой культуры. Не было места на земле, где всегда присутствовали Георгий Иванов и Мандельштам, Андрей Платонов и Набоков, где Газданов увидел бы Хармса, а Добужинский опять встретился бы с Кончаловским.

Одной русской культуры – на одной земле, с осмысленной историей – не состоялось.

Но если земли такой нет – то культура такая есть, соединенная в неземном отстранении, под новым небом. Единая над временем и местом действия, опознанная и возблагодаренная посмертно. И это в конце концов – то единственно возможное прошлое, которое нам дано; и благодаря ему есть, надеюсь, еще неизвестное нам единственно возможное будущее.

Алексей Расторгуев

От редакции: *Издание новой книги Андрея Корлякова осуществлено на личные средства российского историка искусств Алексея Расторгуева.*

ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КНИГИ

"РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ИЗГНАНИИ, ЕВРОПА 1917-1947" Андрей Корляков, Париж, ИМКА-ПРЕСС, 2013.

• Твердый переплет • 2.100 фотографий (трихромные изображения) • Текст книги на русском языке (существует также французская версия книги):

Andrei Korliakov, "CULTURE RUSSE EN EXIL, EUROPE 1917-1947", Paris, YMCA-PRESS, 2013.

2.100 photos (trichromie), 720 pages,
ISBN : 978-2-85065-275-2

• 720 страниц. Формат: 24 на 29 см. Вес: 3,5 кг
• ISBN: 978-2-85065-276-9 • Дата выхода: 12 марта 2013
• Цена: 80 евро

Заказы на сайте: www.emigrationrusse.com

Татой: пять лет спустя

Этим летом мне довелось быть проездом в Афинах всего один день. И меня опять потянуло в Татой – летнюю королевскую резиденцию. Так как никакой общественный транспорт туда не ходит, пришлось взять такси, что недешево. Заглушку на подступах к резиденции установили теперь примерно на три километра раньше, так что идти пришлось намного дольше.

Сначала я поднялся на холм, где находится королевское кладбище. Там на одну могилу стало больше – в 2007 году скончалась сестра Короля Павла Принцесса Екатерина, жившая в Англии. На подходе к кладбищенской церкви, у которой похоронены Король Георг I, Королева Ольга Константиновна и некоторые из их детей, я увидал издали, что какой-то человек совершает гимнастические упражнения, а именно отжимается, опершись руками об надгробье Великой Княгини Марии Георгиевны. Как же можно было до такого дойти?

Когда я подошел ближе, то греки-велосипедисты, рассматривавшие надгробья, попросили меня пояснить им, кто такие Мария и Александра, титул которых «мегалидюкисса тис Россия», был написан на их надгробьях по-гречески. Я рассказал им, хотя было бы логичнее, чтобы не я, иностранец, а коренные греки рассказывали мне их историю.

Увы, либеральная «демократия» везде одинаково расчеловечивает людей, предавая всё забвению.

Затем я спустился с холма в долину и увидел Королевский дворец, который не нашел в прошлый раз. Теперь я понял, что я его тогда нашел, но видел только сзади и не догадался, что этот скромный двухэтажный каменный дом в североевропейском стиле и есть дворец. Обошедши дворец кругом, я увидал, что перед главным его фасадом стоит конная статуя русского сокольничего - скульптура Лансере «Соколиная охота»! Несомненно, что русская душою Королева Ольга Константиновна всякий раз вспоминала родную ей Россию, выходя с крыльца на прогулку, глядя на эту скульптуру…

Признаков реставрационных работ в имении нет. Крыши хозяйственных построек по-прежнему провалены, территория перед дворцом зарастает деревьями и сорняками. Дворец только законсервирован, то есть обтянут забором из сетки-рабицы. Законному владельцу Королю Константину Второму Татой так и не возвращён.

Сергей Шарапов

Посещайте Узел РПЦЗ
ИНТЕРНЕТ-СОБОР
http://internetsobor.org/

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18 сентября 1948 года Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Издательница: Лидия де Кандия. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Электронная версия:www.nashastrana.net Адрес редактора: Nicolas Kasanzew, 9195 Collins Avenue, Apt.812, Surfside, Fl. 33154, USA Телефон: (305) 322-7053 Цена годовой подписки с 1 января 2013 года: В Аргентине– 200 песо. В Европе – 55 евро. В Австралии - 80 ам. долл. В Канаде - 70 ам. долл. В США и остальных странах – 65 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Переводы на: Bank of America, 5350 W. Flagler St. Miami, Fl.33134, USA. Account: 898018536040. Routing: 063000047 Мнения авторов не всегда выражают мнение газеты. При перепечатке ссылка обязательна. NUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia, Casilla de Correo 27, Suc. Lomas de Zamora, 1832 Pcia. Bs. As. Argentina. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представители: в США – N. Tkachov, 1450 20th Ave, San Francisco, Ca. 94122 USA. Во Франции – E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Редакция имеет право сокращать полученные материалы. Электронный адрес: nikasanzew@hotmail.com